

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М.И. Рыбалова

Новосибирский государственный университет

Евангелизмы *пастырь*, *овцы*, *стадо*: из истории развития значений

Аннотация: Данная работа посвящена рассмотрению евангелизмов из новозаветных притч о Пастыре и овцах в лексикографическом аспекте. Описывается развитие и изменение значений лексем *пастырь*, *овцы*, *стадо* на основе статей из исторических словарей русского языка.

The paper considers the evangelisms from the New Testament parables of the Pastor and the sheep in the lexicographical aspect. Study is made of the development and modification in the significances of the lexemes *пастырь*, *овца*, *стадо* on the basis of the lexical entries from the historical dictionaries of the Russian language.

Ключевые слова: евангелизм, лексикографический аспект, двойная актуализация.

Evangelism, lexicographical aspect, double actualization.

УДК: 81-112.4

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, кафедра древних языков. Тел. (383) 3634229. E-mail: maria.rybalova@gmail.com.

В данной работе мы стремились проследить развитие значений евангелизмов *пастырь*, *овцы*, *стадо* из новозаветных притч. Это, наверное, один из самых распространенных библейских образов, неоднократно встречающийся как в Евангелии, так и в других книгах Библии. В Новом Завете нас интересуют две притчи: притча о потерянной овце и драхме погибшей в Евангелии от Луки [Лк. 15, 4–10] и притча о Добром Пастыре в Евангелии от Иоанна [Ин. 10, 11–16]. В художественной литературе и в речи носителей русского литературного языка он используется так часто и в таких разнообразных контекстах, что проследить все пути развития и наслоения значений за несколько веков достаточно сложно. Мы попытались хотя бы немного прояснить историю развития, разветвления, наслоения значений, развития переносных значений интересующих нас евангелизмов на историческом материале словарей: Словарь древнерусского языка Срезневского, Словарь живого великорусского языка В.И. Даля, Словарь русского языка XI–XVII веков, Словарь языка Пушкина и некоторые другие. Образы *‘Пастырь’*, *‘овца’* и *‘стадо’* они настолько тесно связаны между собой, что употребляются практически всегда в одном контексте. Поэтому примеры использования одного из евангелизмов будут иллюстрировать употребление других лексем.

В контексте евангельских притч эти образы символичны: Пастырь не только заботится об овцах, пасет их (прежде всего, в переносном значении – духовно), но и любит их, как детей, каждая из овец дорога Ему, Он желает уберечь и спасти каждую, причем акцент сделан именно на заблудших овцах: И ины овцы имамъ, уже не суть ^ двора сегW: и ты! ми подобает привести, и гласъ мой

оуслышать: и будетъ едино стадо (и) единъ пастырь [Ин. 10, 16]¹. Под заблудшими овцами подразумеваются грешники, которые призваны покаяться.

Конечно, олицетворение Пастыря с Господом Иисусом Христом в данном контексте наложило отпечаток на все последующие употребления этих образов, и во многих из приведенных ниже контекстов отражена эта связь. Нужно иметь в виду, что даже если на Руси говорящий употреблял эти слова не в религиозном контексте, новозаветный смысл накладывался на бытовое употребление евангелизмов, так как евангельский сюжет был всем хорошо знаком с детства, понятен, любим и, разумеется, оказывал влияние на мышление и восприятие мира верующего человека. Эти образы были частью когнитивной базы носителя русского литературного языка и, безусловно, распознавались им как прецедентные феномены и в других, нерелигиозных, бытовых контекстах.

Пастырь по словарю русского языка XI–XVII вв. имеет первое прямое значение ‘пастух’, употребление данного евангелизма именно в этом значении находим во многих контекстах [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14, с. 168]. Конечно, этот образ понятен представителям разных народов и культур, для этого им должна быть знакома соответствующая реалья – если они занимаются скотоводством, то лексемы **пастух**, **овца**, **стадо**, **волк**, вероятно, употребляются и в прямом, и в переносном значении. Так, в разных языках существуют сравнения человека по характеру, поведению как с волком (тигром, львом), так и с овцой (бараном, коровой и т. д.). Но так как эти реалии, в отличие от некоторых других евангельских образов (например, мытарь и фарисей), не исчезают из жизни, то в речи часто функционируют оба значения – и прямое, и переносное. При этом указывать на связь прямого и переносного значений каждый раз нет необходимости, она уже присутствует в инвариантной части русской (и, вероятно, не только русской, как было отмечено выше) национальной картины мира.

Вот пример употребления этих образов в Евангелии от Матфея: *И съберуться прЕдъ нимъ вси языци и разлучитъ я другъ отъ друга, яко же пастырь разлучаетъ овцыя отъ козлыиць* [Мф. 25, 32]. Остр.Ев., 120 об. [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14, с. 168]. В данном контексте связь между прямым и переносным значениями очень сильна, в подобных случаях актуализируются оба плана. В основе семантического обыгрывания устойчивого сочетания, как и в основе приема использования многозначности слова, лежит включение его в такой контекст, в котором происходит «двойная актуализация» значения. Одно и то же слово воспринимается и в переносном, и в прямом значении, в результате наблюдается не только оживление внутренней формы, но и одновременно восприятие двух его семантических планов [Бакина, 1991, с. 22]. Первое значение евангелизма **пастырь** – ‘пастух’. Второе значение этого существительного образное и переносное: ‘пастырь, попечитель, часто – о руководителе религиозной общины, епископе’. *Въ тѣ же годѣ бѣ чрьноризыць Аврааими, иже послѣже бысть архиепсѣпъ въ Ефесѣ, добръ и кротъкъ пастырь, зѣдаше манастирь свои*. Патерик Син., 170. XI в. [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14, с. 168].

Пастырь применительно к христианской эпохе прежде всего **пастухъ** Христова стада, Христовой Церкви, словесных **овец** (по примеру Христа, называвшего в притче себя Пастырем Добрым, а апостолов – своими овцами). Именно в таком значении используется существительное овца в «Грамоте митрополита Алексия ко всем христианам»: *Овца словесныя Христовы гласа Христова слоушають и послѣдуютъ слова нашего*. Грамм. Алекс. Митр. 1356 г. [Срезневский, т. II, ч. I, с. 596–597]. Обязанности Пастыря церковного прямо указаны Христом – священнослужители должны подражать Ему в безграничной жертвенной любви к своим чадам: *Азъ есмь пастырь добрый, пастырь добрый душу свою по-*

¹ Здесь и далее новозаветные тексты приводятся по: [Библия].

лагают за овцы [Ин. 10, 11]. В подобных контекстах уже появляется и второе лицо – стадо/овцы/паства, подразумевавшееся в предыдущем примере: *Вы – господа пастарие, да и мы, мир – христиане, живана чалную Троицу от апостол ... прияхом*. Иос. Вол. Посл., 139. XVI в. ~ XV–XVI вв. [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14, с. 168]. Отсюда значение существительного **паства** – стадо, а также переносное значение ‘паства овец, духовное стадо, паства’: *Мы бо люд³е твои и овец^Е паствы твоея*. Илар. Зак. Благ. 249 [Срезневский, т. II, ч. 2, с. 883–884]. А значение существительного *пасен³е* – ‘наставлен³е, воспитан³е’. *За трудъ паствы люд³и Его пр³яти отъ Него вЕнецъ славы*. Илар. Зак. Благ. 249 [Срезневский, т. II, ч. 2, с. 883–884]. Возвратный глагол, образованный от существительного **паства**, имеет только одно значение, образованное от переносного значения существительного: **паствитися** – ‘пастись; получать духовную пищу’. Послушание, покорность, готовность трудиться – черты *овец стада Христова* воспринимались как совершенно положительные характеристики. Стремление принадлежать *пастве, стаду* в данном контексте было единственно достойным христианина: *Место назнаменовавъ и бл҃гословивъ, пажить створи, на немъ же хот^ие паствитис^и стадо бо҃словесныхъ овецъ*. Нест. Жит. Феод. 2 [Срезневский, т. II, ч. 2, с. 883–884]. То же унифицированное значение собирательного существительного встречается и в Словаре В.И. Даля: **Паства** – ‘словесное стадо, прихожане’.

Оба эти образа часто встречаются рядом в одном контексте: *И возмутишася нагаи, аки птичья стада, отставша вожжа своего и пастыря*. Каз. ист., 60. XVI в. [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14, с. 168]. Как видим, существительное **пастырь** могло употребляться образно и переносно не только по отношению к священнику, архиерею, но и по отношению к правителю, предводителю войска и др., в последнем примере *вождь* и **пастырь** употреблены как синонимы, они называют одно лицо – предводителя, лидера, руководителя.

Кроме евангелизма **пастырь**, по отношению к церковному «стаду» иногда применялось также существительное **пастух**: *Петрь, митрополитъ всеа Руси, духовный пастухъ, вкупЕ съ княземъ съ великимъ поиде в Орду*. Симеон. Лет., 87; *Си же пишемъ вамъ пастухом, рекше игуменом и учителемъ ХсМва стада*. Синодик Ниж. Печ. м. I, 6 – 6 об. 1552 г. [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14, с. 166]. Заметим, что в евангельских притчах традиционно употребляется стилистически более высокое **пастырь**. Евангельский образ Пастыря (Христа) и стада (учеников) так прочно вошел в употребление в устной и письменной речи, что даже может восприниматься как стертая метафора: *И бысть пастухъ ХристовЕ църкѣви, уча словесныхъ овецъ*. Стихирарь, 96 об. XII в. [Там же].

Среди особенностей употребления рассматриваемых нами евангелизмов необходимо рассмотреть индивидуальное употребление существительного **пастырь** по отношению к Матери Божией в послании апостола Петра (причем без изменения грамматического рода существительного, без каких-либо аффиксов): *Изволила ты писать, что предала меня в паству Матери Божией; и, такова пастыря имЕючи, почто печаловать?* Петр, I, 15 [Там же, с. 168]. Здесь процесс метафоризации прошел еще дальше – эта номинация функционирует уже безотносительно к полу лица, которое она характеризует, обозначая духовного руководителя, ведущего христиан – стадо своих овец – по жизненному пути. Это уже вторичное переносное значение, образованное от первого переносного в окказиональном словоупотреблении.

Словарь русского языка XI–XVII веков содержит еще один пример словоупотребления евангелизма **пастырь**, но уже с отрицательной коннотацией. Это достаточно нехарактерно для новозаветных образов, всегда отсылающих говорящего и слушающего к первоисточнику, к евангельскому контексту, где каждая реалия имеет свой, особенный, христианский смысл. Вот этот особенный случай:

пастырь блудницамъ – ‘содержатель публичного дома’. Хрон. Г. Амарт., 328. XIII – XIV вв. ~ XI в. [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14, с. 168]. Подобное употребление лексемы, связанной с притчей о Добром Пастыре, в совершенно противоположном значении ‘ведущий не к спасению, а по несправедному, грешному пути’ свидетельствует о полной ассимиляции в русском языке этого евангелизма. В данном случае мы опять имеем дело с прямым и переносным значениями, напрямую связанными друг с другом: пастух овец и попечитель чего-л., кого-л., не только христианской паствы, но и несправедного сообщества.

А в контексте *«Тои же ЛамЕх бЕ слЕлѣ, и ловы творяше с пастырькомъ ходя, и некогда ему ходящу по пустынямъ и блатом и водяше и пастырь»* Палея Толк., 57. 1477 г. ~ XIII в. [Там же, с. 168] значение рассматриваемого нами евангелизма практически не соотносится с первыми двумя значениями, оно словно «отрывается» от исходного смысла: пастырь – ‘поводырь’. Причем аффиксы могут варьироваться – ср.: **пастурь**, **пастухъ**. В Словаре русского языка XI–XVII вв. приведено еще одно употребление лексемы **пастырь** в «Физиологе» со значением ‘вожак стада’: *Фисилогъ рече о дивнымъ ослЕ, яко стаду постухъ есть*. Физ., 214. XV в. [Там же, с. 166].

Соответствующие значения существительного сохраняются и в образованных от них глаголах, прилагательных, но в них преобладают значения, образованные от переносных: **пастырствовать** – ‘быть главой, правителем, сидеть на пастве духовной, священствовать (над духовной паствой)’: *Бога безначального... утвердившего насъ скифетръ держати православия и пастырствоватьи словеснымъ Его овцамъ устроивша... мы великий государь царь... Федоръ Ивановичъ всеа Руси. Посольсво Васильчикова*. 3. 1588 – 1594 гг; *Жезлъ железный пастырствуйи возвлаетъ*. Спафарий. О сивиллах, 68. 1672 г. [Там же, с. 168].

Аналогичное соотношение прямого и переносного значений обнаруживается в существительном, обозначающем деятельность лица, названного существительным с этим корнем: **пастушество** – 1. ‘пастушеская деятельность, пастушеское искусство’; 2. ‘перен. пастырская деятельность (духовного лица)’. Ср.: *Тогда же протодиякон свитокъ четет, и потомъ подъяци поютъ кЕланту – се же являетъ протодияконе великое стѣлское пастушество, свитокъ же непрестанное его учение къ людям*. Корм. Балаш., 320. XVI в. [Там же, с. 166]. Что касается прилагательных, образованных от **пастухъ**, значения у них частично дифференцируются: **пастырский** – ‘относящийся только к духовному руководству’, а **пастушеский** – как относительное прилагательное от **пастухъ**, так и ‘пастырский, священнический’. – *Неустро~ни~мъ пастоушескимъ*. Прав. Митр. Кир. [Срезневский, т. II, ч. 2, с. 886].

В Словаре живого великорусского языка В.И. Даля у глагола **пастити** отмечен довольно широкий диапазон значений. Именно в русском языке система значений лексем **пастити** и образованных от нее значительно расширилась по сравнению с исходным новозаветным смыслом. Развились самобытные народные значения, причем большинство из них бытового характера: 1. ‘припасать, готовить, держать в запасе, про нужду, на□пору, впору’: *Паси вино къ празднику; Одинъ всего не напасеишъ*; 2. ‘беречь, хранить, оберегать, держать в целостности, надзирать, блюсти, охранять, соблюдать’: *Паси денежку про черный день* (здесь **пастити** выступает как синоним глаголов *беречь*, *экономить*); *Приставъ сторожа, сад пастити* (= сторожить, охранять – отметим, что в данном контексте объект охраны неодушевленный – не стадо животных или духовная паства, а фруктовые деревья); 3. ‘заботиться о благе словесного стада, прихожан Церкви’, церковное **на□ствити**, **на□стовати**. Последнее значение более традиционное, идущее от евангельских слов Иисуса Христа, ср.: *Спаситель сказал: паси овцы моя! Нелепо льву овца на□ствити*; стар. *И пастыятъ стадо три пастыря* [Даль, т. II, с. 21–22]. Первые два значения, указанные В.И. Далем, появившиеся именно в русском

языке и обслуживающие бытовую, хозяйственную сферу жизни, вышли из употребления в современном русском литературном языке.

Возвратный глагол также имеет ряд местных диалектных значений, не связанных с евангельским. Из них первое – ‘кормиться’; также отмечено более широкое переносное значение: *пастись, -ся* – ‘беречься, стеречься, охраняться, блюсти, остерегаться’; также страдательная конструкция *быть пасому*, во всех значениях. Ср.: *Худых дел пастись*; *Друга пасись, а ворог на виду*; *Добрый человек Богом пасется*; яросл. *Я дождя пасусь* (боюсь, ср. современное русское *опасаюсь*); костром. *Она замуж пасется* (готовится, собирается) [Там же]. Здесь мы видим более разветвленную по сравнению с современным русским языком систему значений, что как раз характерно для говоров больше, чем для литературного языка.

В.И. Даль также приводит в своем словаре пословицы и поговорки, в которых использованы прямые и метафорические отношения между пастухом и овцами (пастырем и духовными чадами): *Без пастуха овцы не стадо. И пастух овцу бьет, что не туда идет. Добрый пастух не о себе печется, о скоте. Худо овцам, где волк в пастухах. Наши дураки без пастуха бродят. Каков пастырь, таковы и овцы* [Даль, т. II, с. 22]. В Словаре В.И. Даля отмечено также употребление существительного *пастух* в значении, более характерном для существительного *пастырь*: *Митрополит Алексей, всей Русской земли пастух и учитель*. Больше того, *овца* стало «обобщенным» именем, характеризующим определенный тип человеческого характера: *Не прикидывайся овцою: волк съест. Волк в овечьей шубе (шкуре). Отольются волку овечьи слезы и под*. [Там же]. Развитие значений данных евангелизмов с корнем *-пас-* изображено на схеме (см. схему 1).

Примечательно, что в Словаре языка Пушкина у слов *пастух* и *паства* не отмечено никаких дополнительных к исходному значений, все контексты иллюстрируют прямые значения: *пасутся* (кормятся) *кони, овцы, швейцарские коровы*; *А там уж и люди гнездятся в горах, / И ползает овцы по злчным стремнинам, / И пастырь нисходит к веселым долинам* [Сл. языка Пушкина, т. 3, с. 297]. Все же среди двенадцати употреблений А.С. Пушкиным глагола *пастись* есть один контекст, в стихотворении «Свободы сеятель пустынный...» 1823 года, где этот глагол приобретает обобщенное, метафорическое значение: *Паситесь, мирные народы! / Вас не разбудит чести клич. / К чему стадам дары свободы? / Их нужно резать или стричь* [Там же, с. 296]. В этом стихотворении *Пастырь* – и евангельский образ, и, в то же время, уже самостоятельный, созданный поэтом. В данном контексте общезыковая экспрессивность под влиянием определенным образом организованного контекста перерастает в экспрессивность, которую М.А. Бакина называет окказиональной, она отличается от первой более высокой степенью своего проявления, и авторское отношение к народу, названному *пасущимся стадом* становится более явным [Бакина, 1991]. Таким образом, слова, вступающие во взаимодействие в языке произведения, получают различные смысловые сдвиги от нормативных значений, а эти сдвиги и формируют образ в его законченном виде.

Второй образ, функционирующий обычно рядом с образом *Пастыря*, – *овца*, или *овечка*, а также *стадо* (некоторые контексты употребления этого существительного уже были нами рассмотрены). Помимо прямых значений – номинаций соответствующих животных или их совокупности – в исторических словарях русского языка отмечаются переносные значения. Так, в следующих примерах *овца* употреблено в значении ‘беззащитное существо, нуждающееся в помощи Божией, духовное чадо’: *Избави мя отъ нищеты сея..., яко овцу отъ устъ лвовыхъ*. Сл. Дан. Зат; *Изволи Бъ9 сл^{жм} оутел¹ собе и пастоуха словесныхъ овьчь Новогороду*. Новг. I лет. 6723 г. [Срезневский, т. II, ч. 1, С. 596–597].

А.С. Пушкин использует существительное *овца* преимущественно в прямом значении – например, в «Отрывках из путешествия Евгения Онегина»: *И вокруг кочующих костров пасутся овцы калмыков*.

Однако есть и другое употребление – в «Станционном смотрителе» Пушкин использовал существительное *овечка* именно в евангельском значении, которое, в свою очередь, является метафорическим. Ведь сама притча основана на переносном, образном значении слов *пастырь, пасти, стадо, овцы*. Так, по Словарю языка Пушкина, *заблудшая овечка* – ‘о человеке, сбившемся с правильного пути’ [Сл. языка Пушкина, т. 3, с. 81]. Это прямая аллюзия на притчу о потерянной драхме и заблудшей овце. Ср.: *«Авось, – думал смотритель, – приведу я домой заблудшую овечку мою»* и начало евангельской притчи: Кѣи человекъ твасъ измѣи стои пвецъ, из погуби ездину тнихъ, не ѣстави ли деветидеци из девети въ пустыни, из иидеть вслѣдъ погибшиз, дондеже ѣбръщеть ю [Лк. 15, 4].

Понять и почувствовать всю глубину образа, использованного А.С. Пушкиным, можно только зная широкий контекст – экстралингвистическую ситуацию, воссоздаваемую в художественном произведении. Сравнение (образ) выступает в этой повести как средство возбудить деятельность воображения читателя в нужном писателю направлении. Евангельский образ приобретает новые смысловые, эмоционально-стилистические оттенки. Добавочные информации в языке художественного произведения выполняют важнейшую эстетическую функцию. Они не случайны, но всегда целенаправленны и, будучи связаны друг с другом в контексте нескольких фраз и даже всего произведения, вызывают в сознании читателя цепь ассоциаций, осознанно активизированную автором.

Называя Дуню *заблудшей овечкой*, автор показывает свое отношение (и отношение героя) к ее поступку, вызывает у читателя мысли о грехе и возможности покаяния. Кроме того, здесь кроется аллюзия еще на одну притчу – «О блудном сыне», вернувшемся и покаявшемся. Только во второй притче блудный сын сам решил переменить свою жизнь и вернуться к отцу, в первой же притче Добрый Пастырь сам ищет заблудившуюся неразумную овцу и, найдя, радуется: Такъ, глаголю вамъ, радость бываетъ предъ гдѣи бжѣими ѣ ездимомъ грѣшницѣ кающемсз [Лк. 15, 10]. Как мы помним, в повести Пушкина это происходит с героиней слишком поздно.

Итак, мы попытались отметить все значения – прямые и метафорические, связанные с контекстом евангельских притч или семантически далеко отошедшие от них. Как мы убедились, этот образ приобрел разнообразные дополняющие друг друга значения, которые употребляются не только носителями современного русского литературного языка, но и в русских говорах, и представителями как христианской, так и других культур.

Список сокращений, принятых в работе

П. – А.С. Пушкин

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.

Список сокращений названий источников по Словарю русского языка XIX–XVII вв.

Приводится по: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2005. Вып. 1–28. Справочный выпуск.

Иос. Вол. Посл. – Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. Текста А.А. Зимина и Я.С. Лурье. М.; Л., 1959, к. XV – н. XVI в., сп. XVI в.

Каз. ист. – Казанская история / Подгот. Текста, вступ. статья и примеч. Г.Н. Моисеевой. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. 1564 – 1565 гг., п. к. XVI в., дополнения – по сп. 60-х гг. XVII в.

Корм. Балаш. – Кормчая Балашева, с прибавлениями. Рукоп. БАН. 21.5.4. XVI в., с прибавл. XVII в.

Палей Толк., 1477 г. – Толковая Палея 1477 года. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210. СПб., 1892. Вып. 1. IV с., 302 л. (Изд. ОЛДП, № 93). XIII в., сп. 1477 г.

Патерик Син., XI в. – Патерик Синайский. Рукоп. ГИМ, Син. № 551 [в Словаре цитируется по изд.: Синайский патерик. / Изд. подгот. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина. Под ред. С.И. Коткова. М., 1967. XI в.; греч.: PG, 87, ps. 3, 2852–3112; добавления: Смирнов И.М. Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1917. С. 122–123, 125, 285–295; Preuschen E. Palladius und Rufinus. Giessen, 1897. S. 13–23, 94–95; ср.: The Journal of Theolog. Studies. 26. 1975 (Pattenden Ph. The Text of the Pratum Spirituale), 38–54].

Посольсьво Васильчикова – Посольство в Персию Григория Борисовича Васильчикова // Памятники дипл. и торг. снош. Моск. Руси с Персией. СПб., Т. 1 (Тр. Вост. отд-ния Русск. Археол. Об-ва, Т. 20). С. 1–221. 1588–1594 г.

Симеон. Лет. – Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913, к. XV–н. XVI в.

Синодик Ниж. Печ.м. I – Синодик нижегородского Печерского монастыря 1552 г. Рукоп. Г.А. Горьковской обл., ф. 2013, оп. 502а, д. 161.

Спафарарий. О сивиллах – Книга о сивиллах Николая Спафария, 1672 г. Рукоп. РГБ, ф. 256 (Рум.), № 227, вт. Пол. XVII в. [переизд.: Спафарий. О сивиллах, колика быша и киими имяны и о предречении их // Спафарий Николай. Эстетические трактаты / Подгот. текстов и вступительная статья О.А. Белобровой. Л., 1978. С. 48–86. 1672 г.]

Стихирарь – Стихирарь месячный на крюковых нотах. Рукоп. БАН, 34. 7. 6 (Осн. №1267), л. 1 – 203. XII в.

Физ. – Карнеев А. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890 (Изд. ОЛДП, № 92), сп. XV и XVI вв. [греч.: Pitra J.B. Spicilegium Solesmense. III. Parisiis, 1855, 338–378].

Хрон. Г. Амарт. – Истрин В.М. Хроника Георгия Амартла в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Текст. Изд. ОРЯС Рос. АН. Пг., 1920. XI в., сп. XIII–XIV и XV в., вар. XV–XVII вв. [греч.: Муральт Э.Г. фон. Хронограф Георгия Амартла // Памятники языка и словесности, их списки, чтения и объяснения. СПб., 1859; Georgii Monachi Chronicon / Ed. Boor C. de. Vol/ 1–2. Lipsiae, 1904; продолжение Хроники Георгия Амартла по Ватиканскому списку № 153 – в изд. Истрин В.М. Хроника Георгия Амартла в древнем славянорусском переводе, 1922. Т. II. С. 3–65].

Список сокращений названий источников по Словарю древнерусского языка И.И. Срезневского

Приводится по: Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3-х т. М., 1989. Т. 3.

Грамм. Алекс. Митр. 1356 г. – Грамота митр. Алексѣя ко всѣм христіанамъ въ передѣлѣ Червленого Яра (въ спискахъ). А. ист., т. I. № 3, Рус. истор. библ. т. VI, № 19.

Илар. Зак. Благ. – Слово а законѣ и благодати митроп. Иларіона по нѣсколькимъ спискамъ. – См. Прибавл. Твор. св. о., т. II, стр. 223 и слѣд.; Мус.-Пушк. Сб., стр. 32 и слѣд.

Нест. Жит. Феод. – «Житие преподобнаго отца нашего Феодосія, игумена Печерскаго», написанное черноризц. Несторомъ до 1093 г.; выписки провѣрены по изданному О.М. Бородянскимъ съ исправленіями по списку XII в. Московскаго Успенскаго соб. Чтен. общ. древ. 1858 г., кн. III.

Новг. I. л. 6896 г. (по Арх. сп.) – Новгородская летопись по Списку Археогр. Комиссии XV в.
Остр. Ев. – Остромирово евангелие 1056 – 1057 г.; выписки проверены по изд. А.Х. Востокова (СПб. 1843).
Петр, I, 15.1693 г. – Соборныя посланія апост. Петра.
Прав. Митр. Кир. – «Правило Кюрила, митрополита Роуськаго» 1274 г. по сп. Кормчей 1280-хъ год. Рус. истор. библ., т. VI, стр. 83 и слѣд.

Литература

Бакина М.А. Общеязыковая фразеология в русской поэзии второй половины XIX века. М., 1991.
Библия на русском и церковно-славянском языках. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.omolenko.com/bible/> (дата обращения: 13 апреля 2010 г.).
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 2-х т. М., 2002.
Словарь русского языка XI–XVII в. М., 1975–2005. Вып. 1–28.
Словарь языка Пушкина: В 4-х т. М., 2000–2001.
Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3-х т. М., 1989.